

Герасименко И. А.

Харьковский национальный университет
городского хозяйства имени А. Н. Бекетова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ТЕКСТА» ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Распыление философии в ситуации постмодерна порождает бесконечное число конечных философствований, ограниченных одной личностью, одним философом. Это порождает разговоры о невозможности традиции, невозможности возвращения к истокам, поскольку каждый образчик философствования оказывается абсолютно герметичным. Однако философия, дом которой – Древняя Греция, обязательно отыскивает пути возвращения к истокам, следуя классической триаде смыслополагания *μὴν* – *πρόδος* – *ἐπιστροφή*, где постмодерн занимает вторую позицию – *πρόδος* (постоянное из-себя-выхождение), но позиция третья – *ἐπιστροφή* (поворот) – непременно предполагается. По этому пути возвращения следует стратегия, которую можно назвать *морфологией философского текста*, но применение которой выходит за рамки текста собственно языкового, охватывая ареал эпохи, культуры, а также социальных (в том числе, гендерных) установок – явных и умалчиваемых.

«Философия – это своего рода ностальгия, желание повсюду быть дома», – писал Новалис. «Язык – дом бытия», – писал М. Хайдеггер. Иными словами, основное желание философии – желание сказать. Наивысшую степень напряженности языка и связанного с ним мышления можно назвать *философской функцией языка*: в каждом языке она действует по-разному.

Наиболее наглядно связь «духа народа», его ментальности с языком обнаруживается на уровне лексики (исходя из того, имеется ли в языке слово для обозначения того или иного явления, состояния, моральной ценности, или нет). Однако такой подход – не единственный. Начиная с Гердера и Кондильяка мыслители стали задумываться о том, что грамматика языка не менее, а может даже более идеотнична, нежели лексика. Выражение грамматических значений осуществляется, в зависимости от языкового типа, либо с помощью синтаксиса, либо с помощью морфологии, либо путем того и другого. И если именно на основе синтаксиса предпринимались все известные попытки найти

универсальные закономерности различных языков, то морфология оказывалась сферой настолько индивидуализированной, что подлежала только комментирующему переводу, ускользая от обобщений. Следовательно, морфология как дисциплина языковая для проблемы осмысления текстовых феноменов оказывается весьма и весьма полезной.

Существуют языки (и древнегреческий, породивший философскую мысль – один из них), в которых нельзя учитывать только «содержательный» слой языковых сообщений: львиная доля смысла кроется в их формальном выражении. Древнегреческий язык, будучи синтетическим и флективным (флективно-аналитическим), не только формирует тип философского мышления с повышенным градусом поэтичности, но и обладает наивысшей степенью морфологизации. А значит, древнегреческая философская мысль и ее «месторождение» как нельзя более приспособлены к оцениванию их исходя из анализа форм – от собственно языковых (морфологических в узком смысле) до экстралингвистических (морфологических в широком, от Гете, смысле).

Потенциал философии не может быть обнаружен без обращения к смысловым основаниям этой самой философии и месту ее рождения – культурному и геополитическому, а именно – к греческому полису. Что за действие такое оказал вирус Логоса на некоторых из древних греков, что эта мутация закрепилась во множестве последующих поколений не столько биологического, сколько метафизического вида – «европейский человек»? Услышать Логос и очутиться в месте его первичного обитания – это мое намерение. И в этом моем намерении именно морфологический подход к философской мысли будет наиболее *экономичным*.

Слово «экономика» происходит от греч. οἰκονομέω – «управлять домом». Но в наши дни от своих греческих корней оно оставило лишь одну часть – «управление». Дом исчез, экономика стала бездомной.

На первый взгляд, эта утрата незначительна. Здравый смысл подсказывает смыслу лингвистическому, что в нынешних условиях экономической и политической интеграции, глобализационных процессов и других усилий по стиранию границ лидирующие позиции отдаются именно управлению. В таких обстоятельствах бездомность не только не порок, но, скорее, преимущество.

Но греческое слово несет с собой греческий смысл. А для греков все было иначе. Они не могли вне дома ни жить, ни управлять, ни мыслить. Маленькое, по-домашнему устроенное город-государство (πόλις) было для

каждого эллина чем-то гораздо более личным, чем есть для современного человека его государство и его город. Почему? На помощь приходит язык.

Дело в том, что греч. *πόλις* – рода женского. Маскулинная по преимуществу культура древних эллинов (ср.: «У граждан женского пола было мало прав по сравнению с гражданами-мужчинами. В условиях неимения возможности голосовать, владеть землей или унаследовать, место женщины находилось в доме, и целью ее жизни было воспитание детей. [...] Женщины проводили время за домашними делами, такими как прядение и ткачество» [3]) сохраняла женственность в грамматике языка для базовых бытийных конструктов. «Гендер как продукт культуры, – пишет Е. Грибова, – отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, конечно, в языке» [1, с. 44]. В условиях лингвистического поворота и рассмотрения языка в качестве орудия, обеспечивающего знание о нелингвистических феноменах, в частности, о социокультурных конструктах, каковым является и гендер, встреча лингвистики и гендерных исследований была неизбежна.

Ср.: «Исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем.

1. Язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола (исследуется в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т. д.) какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно выражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются стратегии и тактики, гендерно-специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и т. д. – т. е. специфика мужского и женского говорения» [там же].

В данном случае речь идет, разумеется, о проблематике первой группы. Вытесненные на задворки социальной жизни женщины продолжали присутствовать в ее онтологических основаниях – и определяли способ бытия в этих основаниях. Это сказывалось в ритуальной практике, где женщины играли существенную роль (см.: [2]), и в языковом сознании культуры, действующем в обход исторически обусловленного сознания отдельных индивидов. Как же именно

проявлялись отголоски матриархата и ощущения «всеобщей матери» – городов греческих? Рассмотрим подробнее.

Жители полиса были органически связаны как друг с другом, так и со всем сообществом, и потеря этой связи виделась как нечто катастрофическое. Изгнание из полиса, остракизм, было одним из самых суровых видов наказания. Обычно такая взаимозависимость человека и полиса приводится как пример неличностности древнего грека: общественное сознание, дескать, заменяет субъективное начало в человеке. Это субъективное начало сформируется потом, позже, в эллинистическую эпоху, когда полисы распадутся, империя Александра поглотит Грецию, и человек волей-неволей будет вынужден взглянуть на себя как на отдельную личность.

А может быть, все как раз наоборот? Может быть, то личностное, в котором греку отказывают, оказывается просто-напросто личностным большего масштаба – личностным матери и ребенка до «отпадения»? Весь полис пронизан нервными окончаниями каждого гражданина, подобно тому как пронизана нервными окончаниями его (гражданина) нога или рука. Полис – это часть тела, личная собственность, такая собственность, права на которую нельзя подтвердить документально (а у кого из нас есть письменное свидетельство, легитимирующее *право собственности* на нашего ребенка или у какого ребенка – на вынашивающую его мать?), но обладание которой не требует доказательств (когда плохо младенцу в утробе, ничто в теле не остается безучастным). Это – обладание по праву телесной причастности.

Мы можем относиться к телу по-разному: как к другу, как к врагу, как к первопричине (базис для души), как к вторичному (по сравнению с душой) элементу. Но в любом случае, тело для нас – нечто отдельное. На тело мы не можем свести себя без остатка.

Для греков все было иначе. Они не могли вне тела ни жить, ни управлять, ни мыслить. Телом был человек, телом был дом, телом был полис – как экстраполированное на социум воплощение развоплощенной социально женщины. Маленький, по-домашнему устроенный Космос тоже был (женским) телом: был чем-то гораздо более личным, чем есть для современного человека его Вселенная, его Универсум. Универсум (мир, каким его увидели в Новое время) – это хранилище для людей и вещей, склад, где собрано все, что есть: собрано, разложено по полкам, пронумеровано. И полки эти уходят в бесконечность.

Где-то в третьем ряду пятого яруса, на седьмой сверху полке, под №183605 нахожусь я (с трудом, правда, нахожусь)... на другом конце склада, во втором ярусе сектора В-198 пылится мое государство... а где-то между полками, под грифом б/н – мой дом...

Здесь царит порядок (в смысле порядковых числительных), но здесь очень трудно, почти невозможно что-то найти, здесь очень трудно чем-то управлять, поскольку неясно – чем.

А Космос не похож на склад. Космос похож на меня (или я на него). Я – это маленький Космос, микрокосмос. Мной собрано множество элементов, Космосом – множество вещей, но оба мы – живые и близкие, нас можно любить, о нас можно думать, с нами можно жить и к нам хочется возвращаться. Здесь легче разработать тактику экономного жеста – действия, которое требует минимальных затрат и обеспечивает максимальную эффективность.

Экономный жест – это возвращение домой. Дорога домой – это дорога к себе: к своему Космосу, своей стране, своему городу, своему сердцу... А вернуться значит понять. Чтобы научиться понимать, потерявшие дом греки изобрели философию. Но с тех греческих пор философия тоже потеряла дом: она перестала быть *своей*, перестала быть *делом личным*, превратилась в мертвый набор умозаключений, книг, авторов. Совершился двойной жест ампутации феминности – на сей раз уже из горизонта языкового мировидения. И ее тоже нужно вернуть себе, обрести заново, чтобы она помогла каждому из нас вернуться и понять. Понять себя и как быть дальше. И начать понимающее возвращение стоит, на мой взгляд, именно с вопроса о языке и формах, рождаемых языком, – мысли, текста, культуры.

Литература

1. Грибова Е. П. Гендерные аспекты языка и коммуникации // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008, № 8, Ч. 2. – С. 44–45.
2. Обидина Ю. С. Специфика гендерных ролей в античном полисе: роль греческой драмы в становлении женской идентичности // Вестник Марийского государственного университета, 2014. № 1(13). – С. 150–153.
3. Cartwright M. Ancient Greek Society. URL: <https://www.ancient.eu/article/483/ancient-greek-society>.